Абай Кунанбаев

ИЗБРАННОЕ

АНФ
Москва
2012

УДК 82-14;821.512.122
ББК 84(5Каз)5
К91

Кунанбаев А.
К91 Избранное/Абай Кунанбаев. — М.: Альпина нон-фикшн, 2012. — 128 с.

ISBN 978-5-91671-199-8

Интерес к личности и стихам Абая Кунанбаева, ставшего символом оппозиционных настроений в весенней Москве 2012 года, не случаен. Удивительно и символично совпадение: непредумышленная точность выбора памятника мятежному поэту. В этом читателю дает возможность убедиться подборка стихов знаменитого основоположника казахской письменности, просветителя, философа и общественного деятеля начала прошлого века.

УДК 82-14;821.512.122
ББК 84(5Каз)5

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

ISBN 978-5-91671-199-8 © ООО «Альпина нон-фикшн», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Знакомство с Абаем 5

«Пока не знаешь — молчи...» *Пер. М. Петровых* 13
«Жизнь уходит, и сбыться мечтам не дано...» *Пер. А. Гатова* 16
«Хоть любую добычу орел берет...» *Пер. А. Штейнберга* 18
«О казахи мои, мой бедный народ...» *Пер. С. Липкина* 19
Кулембаю («Привет, управитель!..»). *Пер. П. Карабана* 21
Кулембаю («Наконец волостным я стал..»). *Пер. П. Карабана* 22
«Да будет слово мудреца...» *Пер. П. Карабана* 28
«Где ты, пламя юности моей...» *Пер. В. Звягинцевой* 30
«Где стойкий друг народа...» *Пер. П. Карабана* 32
«Звереет бай...» *Пер. П. Карабана* 33
«Погляди на молодежь...» *Пер. А. Арго* 35
«Он не думает, не видит...» *Пер. А. Гатова* 36
«Я гордо презирал невежество и тьму...» *Пер. В. Рождественского* 37
«Кто горе познал, поседев...» *Пер. М. Зенкевича* 39
«Ты, душа, терзаешь меня...» *Пер. А. Штейнберга* 42
«Ну, поверю, поверю вполне...» *Пер. П. Карабана* 44
«Я нашей молодежью огорчен...» *Пер. А. Гатова* 46
«Будь разборчив в пути своем...» *Пер. В. Рождественского* 47
«Стяжателю одно лишь тешит душу — скот...» *Пер. О. Румера* 48
«Восторженной хвале толпы...» *Пер. Л. Руст* 49
«Разбит, разрознен мой народ...» *Пер. П. Карабана* 50
«О порыв души огневой...» *Пер. В. Рождественского* 52
«Одинокое, не найдет...» *Пер. А. Штейнберга* 53
«Вот и старость — скорбны думы, чуток сон...» *Пер. Д. Бродского* 55
«Измучен, обманут я всеми вокруг...» *Пер. П. Карабана* 57
«Только юность одна — жизни счастливой цвет...»
Пер. В. Рождественского 59

«Каждый за товаром едет на базар…» *Пер. Л. Шифферса* 61
Лето. *Пер. П. Шубина* 62
«Бесчестный, зверя жадней…» *Пер. П. Карабана* 64
Зима. *Пер. В. Рождественского* 68
Асету. *Пер. А. Гатова* 70
«Нет жизни у меня в груди…» *Пер. А. Гатова* 72
Восьмистишия. *Пер. В. Державина* 74
«Разум льду подобен: он ясен, остер…» *Пер. А. Штейнберга* 81
«Ах, что за жребий ждет меня…» *Пер. Д. Бродского* 83
Обращение жигита. *Пер. П. Шубина* 86
Ответ девушки. *Пер. П. Шубина* 88
Осень. *Пер. Л. Нечая* 90
«Ноябрь — преддверие зимы, пора в аул, пора…» *Пер. П. Шубина* 92
«Кто спасет меня…» *Пер. А. Ромма* 94
«Всем пресытиться может душа…» *Пер. В. Рождественского* 96
«Вновь, душа, ты зовешь любовь…» *Пер. М. Петровых* 98
Весна. *Пер. П. Карабана* 99
«Пылает юности огонь…» *Пер. В. Звягинцевой* 102
«Я много мудрых слов сказал до этих пор…»
Пер. В. Рождественского 105
«Когда удлиняется тень…» *Пер. А. Глобы* 106
«Чужим я чувствую себя средь стариков…» *Пер. О. Румера* 108
«И краснеть, и бледнеть…» *Пер. М. Тарловсого* 109
«О сердце мое, замри, застынь…» *Пер. Л. Нечая* 111
«Речь влюбленных не знает слов…» *Пер. А. Глобы* 112
Поэт. *Пер. Л. Пеньковского* 113
«Птица мысли повсюду стремит крыла…» *Пер. Л. Руст* 115
«Грядущее скрыто туманом от нас…» *Пер. В. Звягинцевой* 117
«Красивой песней под струнный звон…»
Пер. В. Рождественского 119
«На воде, как челнок, луна…» *Пер. А. Глобы* 121
«Уходит жизнь за часом час…» *Пер. П. Шубина* 122
«Веселья легкая вода…» *Пер. Л. Озерова* 123
«Добро проходит быстротечно…» *Пер. неизв.* 124
«Пусть овцы пройдутся по мутной воде…» *Пер. неизв.* 125

ЗНАКОМСТВО С АБАЕМ

Наслышан и я про мечты молодых.
Но есть ли основа к стремленью у них?
Пока соберешься, уж силы не те,
И жар твой угас, и в морщинах твой лик.

Это стихи про то, что у каждого поколения должно быть свое восстание.

— А у тебя есть Твиттер?

— Найти несложно, — она лукаво улыбнулась очень белыми и очень ровными зубами.

Светлая Нина семнадцати лет в жаркий московский день, вернее, в тот час, когда день переламывался к вечеру.

Мы познакомились у Абая. Сотни молодых людей, стоявших там, ждали очередного разгона. Солнце делалось прищуренным, усталым, а по краям бульвара, с двух сторон, шумными громоздкими тенями возникали новые и новые автозаки. Каждый новый автозак толпа встречала приветственными аплодисментами, сбиваясь все плотнее. Девочка была в меня вмята, ну а я был придавлен к постаменту с головой Абая.

— Боишься?

— Не-а, — она уткнулась в айфон, что-то помечая, оторвалась и прочирикала: — Бериллий пишет:

«Сейчас начнется. Омоновцы в переулках надевают каски». Знаешь Бериллия?

Новый автозак причалил, погромыхивая, как туча, Нина истерично захлопала, и вся толпа захлопала, как роща перед грозой. А что бы сказал об этом Абай?

В тот ранний вечер они, обычные и в большинстве — вполне благополучные молодые люди, ждали насилия, пожалуй, празднично. И это не было игрой бездельников. Это, говоря громко, было преодолением конформизма, победой над социологическим стереотипом, будто поколение, сформировавшееся в нулевые годы, органически не способно к протесту.

Новая нота городской мелодии — готовность быть схваченными, поколоченными, брошенными в железные шкафы на колесах, чтобы неизвестно сколько себе не принадлежать. В этом была, возможно, европейская гражданственность, но и явная азиатская отчаянная бодрость — множеством тел своих заткнуть вражеские жерла.

В тот вечер атаку отменили, автозаки отгрохотали прочь, омоновцы сняли каски долой, а утром какой-то мальчишка, забравшись на памятник, мокрой тряпкой оттирал голову поэта от многослойного голубиного помета. Абай щурился благодарно и чуть зловеще, похожий на божка.

— Надо бы его почитать, — подумал я вслух.

— А ты что, не читал? А еще писатель! — протянула она разочарованно.

— Можно подумать, ты читала…

— А я что-то пишу?

— Стишки небось пописываешь.

— Да пошел ты! — она лязгнула зубами.

— Чего-о?

Мы едва не поссорились.

Назавтра была прогулка литераторов от Пушкина к Абаю, которую удалось провести беспрепятственно и мирно, конечно же, ценой задержаний предыдущих дней и побоища 6 мая, породившего «гуляния». Потом лагерь жил какое-то время, переваривая провинциальных пацанов и столичных штучек, пружинистых анархистов, сноровистых либералов, накачанных националистов. Мы сидели с Ниной возле пруда там, на Чистых, когда позвонил мой издатель Павел Подкосов.

— Серег, дай совет! Охота издать Абая! Только сейчас все закончится —и чо? Надо ли?

— Надо.

— Почему?

— Надо, Паша, верить, что случай с Абаем останется. Голова Абая — один из символов времени. И вообще, Абай — это не только имя. Абай — глагол. Может быть, непечатный. Думаю, поэт бы не обиделся. Давай абай эту власть — издавай!

Через несколько часов на рассвете лагерь разогнали. Потом лагерь стал кочевать по Москве. А теперь выходит книга Абая.

С одной стороны, для кого-то китчевый жест издателя, с другой — воспоминание о будущем, новых «оккупаях», железных автозаках, о причудливом массовом движении отрицания фальши, начавшемся здесь же, на Чистых прудах, в декабре 2011-го.

Я неохотно верю в случайности. Неприятно считать жизнь жвачкой, которую выплевывают, пожевав. В том числе поэтому мне нравится идея выпустить загадочного для многих поэта, чей каменный череп — крупное звено странного восстания, длящегося здесь и сейчас. Хотелось бы обнаружить связь Абая с тем, что происходило рядом с ним, ведь зачем-то получилось так, что протестанты собрались именно в этой

точке, у «непонятного казаха», как поначалу вполне адекватно выразился Навальный в Твиттере.

И, в конце концов, почему бы просто не прочитать (или перечитать) казахского поэта? Был же такой поэт.

Абай Кунанбаев (1845–1904) — основоположник казахской письменной литературы и ее первый классик. Он перевел на казахский Крылова, Лермонтова, Пушкина, Гёте, Байрона. Он был новатором и обогатил казахское стихосложение новыми размерами и рифмами. Настоящее имя — Ибрагим, арабский аналог имени пророка Авраама, но прозвище Абай, данное ему бабушкой, закрепилось на всю жизнь. «Абай» переводится как «осторожный». Ему желала осторожности бабушка. Думаю, вопреки его поведению. Волновалась бабушка.

Он родился в Чингизских междугорьях Томской губернии (преимущественно русские территории Казахстана, из-за которых посадили в тюрьму писателя Эдуарда Лимонова) в семье крупного бая Кунанбая Оскенбаева рода Тобыкты из казахского племени Аргын.

Если копнуть биографию Абая, легко обнаружить типичное для незаурядного человека: он мог быть доволен жизнью и сладко раствориться в системе, но он был недоволен и из системы выламывался. Семья Абая принадлежала к местной знати — дед и прадед главенствовали в своем роду в качестве правителей и биев. С тринадцати лет отец начал приучать Абая к деятельности главы рода. Но в двадцать восемь лет Абай отказался от навязанной ему комфортной роли и ушел в поэзию, причем поэзию резкую и одинокую, чтобы, пройдя долгие годы жизнь поэта, только к сорока записать свои главные стихотворения.

О чем они? О мятеже и смятении. Он колет свое время, свое общество, своих соплеменников, свой род.

Родные — чужды, если скверны,
Их злобность душу вынимает.
Когда невежество безмерно,
Оно вас всюду обнимает.
Глупцов бахвальство беспримерно,
Душа моя средь них страдает.

Абай придирчив. Мизантропичен, пожалуй. Всюду различая несправедливость и соболезнуя слабым, он не сладок и не мягок, в нем самом живет зоркое одиночество хищника, «сверхзверя».

Пусть овцы пройдутся по мутной воде,
К ней жир не пристанет. Волк, бледный, в беде.
Как волк тот, и я, озираясь повсюду,
Сиротство и брошенность вижу везде.

Подчас это фрондерские стихи — отравленный подарок хозяевам жизни, но Абай не был революционером. Выводить из него социального бунтаря — все равно что из Чацкого — декабриста. Впрочем, доживи он до революции, наверняка бы участвовал — ведь он наезжает на богатеев, властителей, защищает бесправных, а все справочники фиксируют как поворотное событие общение Абая с русскими политическими ссыльными.

Все же скорее Абаю внятна эстетика декаданса, и он понапрасну, но для читающего наблюдателя увлекательно, пытается примирить ее с традиционными ориентальными кодами.

Живу неспособный смеяться и плакать,
Лишь с сердцем мятущимся, с коим — беда…

Смятенное сердце он приносит невидимому Творцу, которого ищет и зовет, однако именем Творца провозглашая пустоту бытия и оправдывая главенство страсти. Пускай иногда эти вирши покрывает вязкий дымок благодушного умиротворения (дань времени и месту) — тотчас, двумя-тремя строчками ниже, настойчиво и наперекор (как подлинность) вспыхивают острые угли мятежа. Мятежа против миропорядка, смерти, себя самого…

С возрастом он пробовал ходить во власть и, говорят, боролся за честные выборы на каком-то уровне тогдашней и тамошней иерархии. Но прежде всего Абай — художник, у которого голова шла кругом. Его поэзия — повышенно эротична. Любовные монологи, в которых он как будто выворачивается наизнанку, все ярко-красного цвета. Если кому-то важно обожествление власти, Абай обожествлял плоть и наслаждение. Очевидно, за отсутствием надежды.

Это чувственные, ненасытные стихи, где траурная скорбь оттеняет жирные краски. И неважно, в сущности, о чем он пишет — об утолении жажды кумысом или о бешеной скачке, — всюду Эрос седлает и гонит проклятый Танатос.

В этих стихах — интеллектуальный пессимизм, холодное бешенство осознания тщеты и оптимизм воли — жажда овладевать миром опять и опять с гортанным воплем: «Абай!»

Он прожил всего пятьдесят восемь лет. Знаменитым его произведением стала прозаическая поэма «Қара сөз» («Простое слово»), состоящая из сорока пяти кратких притч. Рекомендую перевод, сделанный Виктором Шкловским. Абай говорит в последнем своем произведении о мудрости. Но это мудрость одинокого волка. Эвфемизм тоски. Собственно, так он говорил постоянно:

Я — один, а наглых невежд не сочтешь,
И нелепые шутки ныне в чести.
Ни друзей у меня, ни любимой нет.
Я устало пою на исходе лет.

Спустя эпоху у Абая, кажется, появились друзья.

Родина моя Россия… Отмытый до блеска голый череп азиатского поэта. Железные тени автозаков. Белые зубы девочки, заабаевшей в Твиттере свой блондинистый лук.

Сергей Шаргунов

* * *

Пока не знаешь — молчи.
Пока блуждаешь — молчи.
Не тешься блеском парчи,
Пустых забав не ищи.
Чтоб человеком ты был,
И вровень с веком ты был,
И не жил бы суетой,
Ты пять врагов покори
И пять друзей избери.
Злословье, ложь, хвастовство,
Тщету пустую и лень
Смети с пути своего.
Правдивость, ясная мысль,
Упорство, скромность и труд —
Доверься — не предадут.
Будь чистым, зла сторонись,
К деяньям светлым стремись,
Чтоб разум жил добротой.
Пускай ученым не стал,
Пусть выпал жребий иной,
Но в жажде знанья залог
Твоей дороги прямой.
Не говори: «Не смогу».
Стремясь к познанью душой,
Сумеешь им овладеть.
Но, сторонясь, как чужой,
Затушишь искру души.

Богатство, счастье, покой,
Познав науки, найдешь.
Иди на свет их благой,
И все, что скажет другой,
Иль аксакал, или бай,
Сам взвесь ты, сам осознай.
Будь верен мысли живой.
Не тешься лживой молвой!
Борьбой за правду живи.
Пусть пошлость нагло груба,
Тем легче с нею борьба.
Будь скромен, будь молчалив,
Мой горький опыт усвой.
О говорящем тебе
Не думай: «Кто он такой?» —
Но глубже вникни в слова.
Мир помнит славных певцов,
И мудрецов, и вождей
Великих в деле своем,
А много ль знаем о нем!
Поверь, о юноша, мне:
Бесценны знанье и ум.
Что чуждо их глубине —
Забудь, как суетный шум.
Достигни цели вполне,
Чтоб найденное сберечь.
На мудреца — сто глупцов,
Вот горькой истины речь.
Знай также, юный мой друг:
Не в слове близких своих
Ты правды проблеск найдешь.
Убог привычный твой круг,
Где видят в истине ложь.
Душа невежды мертва,

Пусты без мысли слова.
И сам учись, и учи.
Лишь знаньем жив человек,
Лишь знаньем движется век.
Лишь знанье — светоч сердец.
Лишенный учеников
Учитель — словно вдовец.
Людей суди по уму,
Но не по облику их.
Разумен будь и правдив
В делах и думах своих, —
Так мудрецы говорят.
Пойми совет их простой
И, осознав, не забудь.
Да будет праведен путь,
Твоей души молодой!

1886

* * *

Жизнь уходит, и сбыться мечтам не дано,
Всюду — зависть, стяжательство вижу одно.
Молодое пугает меня поколенье.
Развращенное, труд презирает оно.

Бай берет, говоря: «Не останусь в долгу,
Я с лихвой заплачу, я в беде помогу».
Волостной или бий, поживясь, обещают:
«Твоему насолить мы сумеем врагу».

Занимает бедняк: «Я трудом отплачу».
Сотенный: «Слухи я по аулу пущу».
Вымогает и тут же грозит, проходимец.
В вымогательстве рвач помогает рвачу.

Друг берет, говоря: «Ты не дашь — я готов
Перекинуться в стан твоих лютых врагов.
Отойду — не разыщешь, и след мой простынет.
Буду действовать против тебя. Я таков».

А хитрец расточает иные слова:
«Расхвалю тебя, — знаешь, что значит молва?»
Он себе на уме — поживиться бараном...
Как подумаешь, кругом идет голова!

Что ж, барашка зарежь, угощай им полдня.
«Мяса дам, если голос отдашь за меня!»
Все придут и поднимут галдеж, как вороны:
«Кто даст больше, тому я и друг, и родня».

Кто изменит, — встречаясь, не склонен краснеть,
Нарушителей клятвы привыкли терпеть.
Вот один из них лает, как злая собака:
«Я кусок оторву — будет сытная снедь».

Осчастливит начальник округу свою:
«Выбирай кого хочешь, свободу даю».
И от этого много пошло беспорядка.
А начальство грозит: «Растопчу! Истреблю!»

Тот, кто предал, останется с грязной душой.
Упрекнешь — огрызнется: «Я в ссоре с тобой».
Человека не вижу, который сказал бы:
«Я доволен своей справедливой судьбой».

Сын отца предает, брата старшего — брат.
Я устал, я измучен и жизни не рад.
Если совесть и честь раболепствуют злату,
Пусть уста очерствеют, слова не звучат.

Заблудились казахи — и злость в их сердцах.
Строят козни друг другу, темно в их глазах.
Все корыстны, все ищут богатства и славы.
Ах, зачем ты их создал такими, аллах?

Так проклятье тому, кто клянется и лжет,
Кто за золото душу и честь продает,
Кто, вертясь в один день в сорока околотках,
Добывает себе и доход, и почет, —
Кто в домашнем кругу у себя благороден,
А потом за коня он тебя предает.

1886

* * *

Хоть любую добычу орел берет —
Люди возятся с птицей других пород;
Лишь орел к поднебесью взмоет, они
Пустельгу и во́рона гонят в полет.
Ворон каркает, бьет крылом тяжело.
Пустельга от ворона не отстает.
Сами дичь не ловят, мешают орлу,
А хозяева скачут взад и вперед
И, любуясь, как птицы дразнят орла,
До упаду смеются, разинув рот.
И никто не скажет: «К чему это все?»
Хвалят этих пичуг всю ночь напролет.
Ты отрады и пользы здесь не найдешь, Забавляется этим глупый народ.

1886

* * *

О казахи мои, мой бедный народ!
Жестким усом небритым прикрыл ты рот.
Зло — на левой щеке, на правой — добро…
Где же правда? Твой разум не разберет!

Ты и с виду неплох, и числом велик,
Но какой же яд в твою душу проник?
Ты не внемлешь добрым советам чужих,
Режет всех без разбора твой серп-язык!

Власть не можешь явить над своим добром,
Спишь тревожным сном и тревожишься днем,
Добродушен, сердит, заносчив, труслив,
Постоянен в непостоянстве одном.

Почему же чванливый и мелкий сброд
Изуродовал душу твою, народ?
Не исправишься ты, покуда чужой
Над тобой правленья бразды не возьмет.

Если зову чести не будешь внимать,
Отвернется от сына отчизна-мать.
Все добро свое по ветру ты пустил,
И уже степных табунов не поймать.

Нет единства, порядка, везде разлад.
Зависть, алчность владеть тобою хотят.
Исцели себя от недугов таких,
А не то унижен будешь стократ.

Разве можешь ты быть спокоен душой,
Если горки не в силах взять небольшой?
Если стойкости нет, если твердости нет,
Разве можешь ты быть довольным собой?
Если кто-либо верный укажет путь, —
Ты его клеймишь неразумной хулой.

1886

КУЛЕМБАЮ*

Привет, управитель! Привет и почет!
Здоровы ли детки? В порядке ль твой скот?
Не в трудное ль время ты стал волостным?
Не тяжко ли бремя безмерных забот?

Из всех твоих предков, дожив до седин,
Не правил народом вовек ни один.
Что ж, — слава судьбе, коль поправить дела
Поможет тебе управителя чин!

Но это я в шутку. Ведь скромен твой нрав!
Ты мчишься, посыльного тут увидав...
А если уездный приедет, — мой бог! —
Как ты со всех ног понесешься стремглав!

Как дома ты грозен! Как выпятил грудь!
Посмей тебе слово сказать кто-нибудь!..
Вот сила, вот вес-то!.. Но сразу слетишь
Ты с этого места — лишь стоит подуть!

1888

* Волостной управитель, известный своим взяточничеством и трусостью.

КУЛЕМБАЮ

Наконец волостным я стал,
Все добро на взятки спустив;
Без горбов верблюды мои,
У коней не осталось грив,
А волостью управлять
Не сумел, хоть, кажись, ретив...
Если сильные позовут —
Оборачиваюсь на призыв;
Если слабые говорят,
Еле слушаю, вял, сонлив...

*

Близок съезд! Эта весть, как гром,
Прогремела, сердце пронзив*.
Но тревоги не выдаю,
Улыбаюсь, а сам чуть жив.
Вот в один из обычных дней
Вижу нарочного у ворот:
«Уездный уже в пути,
Приготовь побольше подвод».
Я смутился — срок-то ведь мал.
Сердце — будто бы молот бьет,
Но стараюсь я, что есть сил,

* На съездах производились выборы волостных управителей из числа богатых баев. Выборы производил русский уездный начальник.

Ошалев от своих забот.
Всех старшин всех биев собрав,
Говорю им: «Время не ждет,
Заготовьте побольше юрт,
Уездный будет вот-вот!..»
Осмелев, пред народом речь
Я держу: «Мол, честной народ,
Оправдать я доверье готов,
Если милость господь пошлет...»
Будто бы обо всех пекусь,
А на деле — наоборот.
Я, с уездным уединясь,
Все ругаю людей своих,
А потом возвещаю им:
«Не сгибал спины ни на миг. —
Похваляюсь: — Уездный сам
Верит в правду речей моих. —
Я подмигиваю: «Мол, ему
О сомненьях твердил больших...

*

Начинаются толки, шум...
Тот хвастун, что был груб и лих
Тот храбрец, что всех прижимал,
Вдруг на съезде сделался тих...
Но недолго длилась борьба,
Убедили одних; других,
Непокорных, в бараний рог
Посгибали в единый миг;
О великих и малых делах
Говорили, решили их...
Озверел науськанный бий, —
Что ему до тягот чужих?
Был изъят опознанный скот
Для своих хозяев прямых.

Кредиторы со всех сторон
Обступили людей простых...
Нету жалобщикам числа.
Гомонят: «Нам жизнь не мила!»
Управитель на ноги сел, —
Кто бедняжку станет жалеть?

*

Я сил не щажу своих,
Я скачу с зари до зари,
Я мечусь туда и сюда,
Развевается мой халат.
Отпустил я совсем повода...
Чтоб уездный услышал, я
Посильнее бранюсь тогда, —
Кой-кого и палка моя
Саданула, тяжка, тверда.
Уж ретивых не вижу я,
Не осталось от них следа,
Расстегнул я ворот, жара,
Прохлаждаюсь — хватит труда!

*

Управитель исправный он,
Шумно хвастается всегда,
Смех раскатистый у него,
Голос грохает; и когда
Он, случается, заговорит,
То слова текут, как вода.
Если входит к уездному он,
То другим волостям беда...
А бывает, народ строптив
И уездный в гневе, тогда
Ноги попусту бьешь весь день,
Пролетая туда-сюда.
Сам я тоже едва ль хорош,

Мой характер — он как когда...
И хоть знаю, что скромным быть —
Добродетель большая, но все ж
Не придерживаюсь ее.

*

И к рукам весь народ потом
Прибирать начинаю я.
Сперва полегоньку, тишком,
Против сильных не говорю;
Их не тронув, я день за днем
Безобидных травлю, но слегка.
При уездном твердил об одном,
А теперь другое творю, —
Каждой мелочью, пустяком
Потихоньку довольствуюсь я.
Ни злодеем, ни мозгляком
Никого не браню, рассердясь...
Собираю людей кругом,
За меня прошу их стоять.
«Ладно, ладно, — твержу, — незнаком
С плутовскими проделками я,
Да и хитрости нет притом...»
Провалиться бы в землю им...
Знаю: путь мой колюч и остер,
Что за прок мне от них, когда
Чуть не каждый обманщик и вор!
Да, нерадостна жизнь моя!
Как посмотришь, — стыд и позор!
Может быть, я в будущий год
Получу всех шаров набор...*
Ну, а вдруг сегодняшним дням
Буду слать я грустный укор?

* Выборы волостных управлений происходили баллотировкой шарами.

*

О родные советники, вам
Сказать я хочу в упор:
Тюрьмы множатся что ни год;
От хулы прохудился почет…
Мой от горести меркнет взор —
Я не в силах народ держать.
Почему ж на такой позор
Падок я? Стал строптив народ!
Все мерещится — донесут…
Вдруг узнает про всякий вздор
Наш уездный — возьмется он,
На расправу жесток и скор,
Приберет он меня к рукам.
И под суд я пойду, как вор.
В бездну мерзкую бросит меня
Немилостивый приговор…
Все эти плуты — они
Сами ль выберутся на простор?
Будут жалобы подавать,
К справедливости будут взывать,
Нет того, что бывало встарь!
Управителя скользок путь —
Нынче всякий поклеп идет
На внимательнейший разбор.
Твой собственный может донос
Тебя погубить; найдут
Ложь, неправду, начнут допрос.
Подсчитают проступки твои,
Все, что сделать тебе довелось, —
Ведь законники и хитрецы

Понимают каждый вопрос.
Лучше всякую бросить власть,
Покуда еще не пришлось
В дом с решеткой стальной попасть!
1889

* * *

Да будет слово мудреца
Не достоянием глупца.
Чтоб светоч истины узреть —
Должны быть зрячими сердца!

Кто сердцем чист, чей светел ум,
Тем речь твоя — не праздный шум.
Они, полны огня и дум,
Постигнут правду до конца.

Тупа невежды голова,
И что ей мудрые слова?
Болтун, — он устает, едва
Заслышит мудрого певца.

Ему мила лишь болтовня,
Он пристает к тебе три дня,
Но петь начни — чело склоня,
Глядит тупее, чем овца.

Он ищет, как дитя, утех,
Он развлеченья ждет от всех,
Ему бы игры все да смех,
Звон шутовского бубенца.

Он всякой мысли чужд совсем.
Он ко всему и глух, и нем,
За исключением поэм
Про девушку и храбреца.

Ты спел тому, в ком есть душа;
Он скажет — песня хороша!
И слушает, едва дыша,
Не спутав с золотом свинца!

Глупцы же смотрят, сторонясь:
Им только б сплетни, хитрость, грязь.
Им все равно — что плюш, что бязь...
Ослу подай лишь клок сенца!

1889

* * *

Где ты, пламя юности моей?
Почему меня не греешь ты?
Почему в плену суровых дней
К знанью не ведешь из темноты?

Прочь лукавство, лицемерье прочь!
Много ль проку в знатности людской?
День без разума не та же ль ночь?
Ищешь знанья — позабудь покой.

Счастья и любви не испытав,
Что о них сумеешь ты сказать?
Может ли своих добиться прав
Тот, кто не пытается дерзать?

Другом лишь того ты назовешь,
Кто тебе не изменил в борьбе,
Лишь в труде ты славу обретешь,
Честь наградою придет к тебе.

Дорогая истина проста:
Труд — отрада вечная твоя.
Пусть не увлечет нас суета,
Знание — основа бытия.